

А. В. Зубова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: zubova_al@mail.ru

Одонтологическая характеристика и популяционные связи носителей охотской культуры Хоккайдо и Сахалина

В работе обсуждаются одонтологические характеристики носителей охотской культуры Хоккайдо и Сахалина. Материалом для исследования послужили палеоантропологические находки из могильников Сусуя, Мойоро, Хаманака, Омисаки, Уторо Дзиндзяма, Коема, Мехашидомари, Уedomари, Уеннаипо, Шумиу, обследованные по традиционной отечественной программе одонтологического анализа и сопоставленные с древним и историческим населением российского Дальнего Востока, Японского архипелага и Америки при помощи многомерного статистического анализа. Основной целью исследования был анализ влияния охотских серий на формирование морфологических характеристик близкого к современности населения северо-востока Азии и оценка существующих гипотез об этнической принадлежности охотских групп. Результаты исследования показали, что одним из наиболее важных для дифференциации дальневосточных групп признаков является дистальный гребень тригониды, включение которого в исследовательскую программу показало наличие сходства между носителями охотских традиций и неолитическим населением Приморья. Охотцы занимают промежуточное положение между неолитической серией бойсманской культуры и сразу несколькими группами современного населения. В число последних входят орочи, улчи, нанайцы, эскимосы, у которых можно предполагать наличие компонента, родственного доминирующему в составе носителей охотских традиций. Поскольку вклад охотского населения в формирование антропологического состава исторического населения выглядит очень широким, определять этническую принадлежность охотской культуры в рамках только одной линии связей, ведущей к какому-либо из дальневосточных этносов, невозможно.

Ключевые слова: охотская культура, одонтология, этническая принадлежность, улчи, эскимосы, дистальный гребень тригониды.

A. V. Zubova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera) RAS
St. Petersburg, Russia
E-mail: zubova_al@mail.ru

Dental Anthropology and Population Affinities of the Okhotsk Culture of Hokkaido and Sakhalin

The study is focused on analysis of dental non-metric characteristics of the Okhotsk people from Hokkaido and Sakhalin. The data for study includes paleoanthropological finds from Susuya, Moyoro, Hamanaka, Omisaki, Utoro Jinjayama, Koema, Mehashidomari, Uedomari, Uennaipo, and Shumshu burial grounds. The materials were studied using the conventional program used by the Russian researchers. The data on the Okhotsk sample were compared with ancient and historical populations of the Russian Far East, the Japanese archipelago, and America using multivariate statistical analysis. The main objective of the study was to analyze the influence of the Okhotsk series on morphological characteristics of the historical populations of northeast Asia and to evaluate existing hypotheses regarding the ethnic affiliation of Okhotsk groups. The results revealed that the distal trigonid crest is one of the most essential features for differentiating Far Eastern groups. Its inclusion in the research program highlighted similarities between the Okhotsk tradition and the Neolithic population of Primorye. Morphologically, the Okhotsk people occupy an intermediate position between the Neolithic Boisman culture and several modern groups. The latter include the Orochi, Ulchi, Nanai, and Eskimo, assuming the presence of a component related to the Okhotsk populations. Since the Okhotsk contribution to the anthropological features of the historical population appears to be very broad, it is hardly possible to determine the ethnic affiliation of the Okhotsk culture within a single line of connections leading to any of the Far Eastern ethnic groups.

Keywords: Okhotsk culture, dental anthropology, ethnicity, Ulchi, Eskimo, distal trigonid crest.

Введение

Вопрос о происхождении и антропологическом составе носителей охотской культуры обсуждается уже не первое десятилетие, поскольку статус самой этой культуры является весьма неоднозначным. В целом предполагается, что она сформировалась на Южном Сахалине, в середине I тыс. н.э. на базе предшествующей сусуйской культуры (V в. до н.э. – II–V вв. н.э.) [Василевский, Грищенко, 2012]. Однако по всем остальным вопросам, включая время существования, наличие хронологических этапов, региональных вариантов и этнической принадлежности носителей охотских традиций, ведутся постоянные дискуссии (см., напр.: [Василевский, 1999; Дерюгин, 2008а, б; и др.]).

Одним из таких дискуссионных вопросов является вопрос об этнической принадлежности охотских групп, в решении которого сложилась традиция определять ее на основании сходства охотского населения с различными современными народами, путем обратной экстраполяции. В разное время охотскую культуру считали алеуто-эскимосской, протоайнской, протонивхской, протоульчской и протонанайской (обзор см., напр.: [Дерюгин, 2008а]). Для обоснования каждой из этих гипотез использовались в том числе и антропологические данные как критерий биологического родства.

Даже если принимать в целом правомерность такого подхода, нельзя не отметить, что этническая принадлежность – это, прежде всего, социальный конструкт, включающий в себя такие элементы, как общая историческая память, общее самосознание и пр. Антропологические данные могут использоваться для ее подтверждения только в весьма ограниченных ситуациях, поскольку формирование антропологического состава любого этноса – это сложный, растянутый во времени процесс, который включает в себя неоднократные эпизоды изоляции и смешения с другими группами.

Чем древнее изучаемая группа, тем шире может быть радиация ее потомков, тем больше вариантов их этнической принадлежности и тем меньше возможностей для обратной экстраполяции. Для того чтобы перенос этнической принадлежности современной популяции на какую-либо древнюю группу на основании антропологических данных можно было считать корректной, необходимо полностью изучить популяционную историю потомков обсуждаемой древней группы от момента ее формирования и до исторического периода, к которому относится предполагаемый источник экстраполируемых данных, т.е. современный этнос. В том случае, если никакие радиальные ветви ее потомков не будут демонстрировать направления биологических связей, выходящего за пределы искомой этнической принадлежности, можно будет распространять ее на древнюю попу-

ляцию. Во всех иных случаях однозначно ее определять невозможно, т.к. одна и та же древняя популяция может входить в число предков различных этнических групп.

К сожалению, что касается охотской культуры, то обозначенный выше широкий спектр гипотез о ее этнической принадлежности явно показывает, что ее история и вклад в формирование более позднего населения изучены еще далеко недостаточно. У каждой из теорий была только одна отправная группа, и при рассмотрении каждого из вариантов альтернативные автоматически отменялись. Охотские группы рассматривались исключительно как реципиенты одной линии биологических связей – эскимосской, нивхской, ульчской и т.д., – которая признавалась доминирующей и определяющей их этнический статус.

Задачей работы стало расширение информации о биологических связях носителей охотских традиций и их потомков и введение в научный оборот одонтологических характеристик охотских серий, изученных по принятой в нашей стране исследовательской программе. Ранее они публиковались зарубежными исследователями и в программе анализа отсутствовал ряд признаков, имеющих важное значение для дифференциации населения северо-востока Азии [Matsumura et al., 2009]. В частности, в публикациях отсутствуют данные о частоте дистального гребня тригониды, повышенная частота которого в комбинации с 6-бугорковыми нижними молярами, умеренной частотой бугорка Карабелли и пониженной встречаемостью *tam1* дифференцирует от других азиатских групп автохтонное население Дальнего Востока, восходящее к неолитическим популяциям региона [Зубова, 2018]. В данной статье этот пробел ликвидируется и для анализа положения охотских групп относительно современного населения Северо-Восточной Азии и Японского архипелага используется более широкий набор маркеров «восточного ствола», чем это делалось ранее.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили одонтологические находки из памятников Сусуя, Мойоро, Хаманака, Омисаки, Уторо Дзиндзяма, Коема, Мехашидомари, Уedomари, Уеннаипо, Шумшу, общей численностью 77 индивидов, хранящиеся в Медицинском университете Саппоро, Университете Саппоро и Университете Киото. Они были обследованы в 2018–2019 гг. по стандартной одонтологической программе [Зубов, 2006] и разбиты на несколько серий (табл. 1). Три из них включают в себя материалы отдельных крупных могильников (Мойоро, Хаманака, Омисаки), четвертая – находки ранней стадии формирования охотской общности, которую выделяют в отдельную сусуйскую культуру [Василевский, Грищенко, 2012]. Пятая серия суммарная, она включает

Таблица 1. Одонтологические характеристики охотских серий

Название признака	Сусуйская культура		Хаманака		Мойоро		Омисаки		Охотская и сусуйская культуры суммарно, включая охотские находки из других могильников	
	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
Лопатообразность I ¹ (баллы 2+3)	3 (3)	100	9 (9)	100	24 (26)	92,3	3 (3)	100	39 (39)	100
Лопатообразность I ² (баллы 2+3)	2 (2)	100	8 (8)	100	22 (22)	100	3 (3)	100	35 (36)	97,22
Редукция гипоконуса M ² (баллы 3, 3+)	4 (5)	80	4 (7)	57,14	15 (25)	60	3 (4)	75	38 (45)	84,44
Бугорок Карабелли M ¹ (баллы 2–5)	1 (6)	16,7	1 (9)	11,1	10 (31)	32,26	3 (7)	42,86	16 (76)	21,05
Парастиль M ²	0 (6)	0	0 (9)	0	0 (31)	0	0 (7)	0	0 (76)	0
Дополнительный дистальный бугорок (C5) M ¹	0 (3)	0	4 (6)	66,7	9 (20)	45	1 (4)	25	14 (36)	38,89
Дополнительный дистальный бугорок (C5) M ²	0 (3)	0	0 (3)	0	4 (14)	28,57	0 (1)	0	4 (23)	17,39
Дополнительный мезиальный бугорок M ¹	2 (3)	66,7	3 (6)	50	9 (20)	45	2 (4)	50	17 (36)	47,22
Дополнительный мезиальный бугорок M ²	0 (3)	0	0 (3)	0	1 (14)	7,14	0 (1)	0	1 (23)	4,35
Форма P ₁ (баллы 4–6)	2 (4)	50	1 (5)	20	4 (17)	23,53	1 (6)	16,7	8 (50)	16
Форма P ₂ (баллы 4–6)	4 (4)	100	5 (5)	100	16 (16)	100	6 (6)	100	35 (35)	100
6-бугорковые M ₁	0 (2)	0	1 (7)	14,3	7 (24)	29,17	1 (5)	20	12 (43)	27,91
4-бугорковые M ₁	0 (2)	0	0 (7)	0	0 (24)	0	0 (6)	0	0 (42)	0
4-бугорковые M ₂	0 (2)	0	1 (5)	20	1 (12)	8,33	2 (6)	33,3	6 (30)	20
6-бугорковые M ₂	0 (2)	0	0 (5)	0	3 (12)	25	0 (6)	0	0 (30)	0
Протостилид M ₁	0 (6)	0	0 (6)	0	1 (29)	3,45	0 (6)	0	0 (54)	0
Протостилид M ₂	0 (5)	0	0 (5)	0	0 (17)	0	0 (6)	0	0 (38)	0
Tam ₁ M ₁	0 (2)	0	0 (8)	0	0 (24)	0	1 (4)	25	1 (44)	2,27
Tam ₁ M ₂	0 (3)	0	0 (6)	0	0 (14)	0	0 (4)	0	0 (31)	0
Дистальный гребень тригонида M ₁	0 (2)	0	1 (6)	16,7	7 (18)	38,89	2 (2)	100	11 (31)	35,48
Коленчатая складка метаконида M ₁	2 (2)	100	1 (5)	20	5 (17)	29,41	0 (1)	0	8 (28)	28,57

в себя все материалы из первых четырех и малочисленные находки из остальных охотских памятников (табл. 1).

Для понимания места охотского населения в общей системе одонтологической дифференциации населения Азии полученные данные были сопоставлены с характеристиками древних и близких к современности серий с территории Японского архипелага, российского Дальнего Востока, Китая и Нового Света (табл. 2) на основании тригонометрически преобразованных частот лопатообразности верхних центральных резцов (баллы 2+3), бугорка Карабелли верхних первых моляров (баллы 2–5), 4-бугорковых нижних вторых моляров, 6-бугорковых

Таблица 2. Одонтологические материалы, использованные для сравнительного анализа

Группа	Источник данных
1	2
Бойсманская культура	[Зубова, 2018]
Глазковская культура	
Ымяхтахская культура	
Янковская культура	
Яншао, неолит Китая	[Fu, 1994]
Сяванган, неолит Китая	[Wu, Xianglong, 1995]
Население Колумбии, ранний голоцен (Колумбия 1)	[Rodríguez Flórez, Colantonio, 2015]
Население Колумбии, средний голоцен (Колумбия 2)	
Население Колумбии, начальный поздний голоцен (Колумбия 3)	
Население Колумбии, финальный поздний голоцен (Колумбия 4)	
Дземон	[Зубова, 2025]
Древнеберингоморская культура, Эквен	Зубова, в печати
Древнеберингоморская культура, Уэлен	
Эскимосы	

1	2
Айны Хоккайдо	А. В. Зубова, неопубликованные данные [Лейбова, Жамбалтарова, 2016] [Scott et al., 2016]
Айны Сахалина	
Китайская культура	
На-Дене	[Зубова, Кербс, 2018] Неопубликованные данные Е. А. Кербс и А. В. Зубовой
Индейцы Северной Америки	
Индейцы Мезоамерики	
Индейцы Южной Америки	[Антропозкология..., 2008]
Эскимосы-алеуты	
Мохэ	
Чжурчжени	
Чукчи	
Южные эвенки	
Нанайцы	
Орочи	
Ульчи	
Ительмены	
Коряки	

нижних первых моляров, *tam*i, дистального гребня тригонида и коленчатой складки метаконида нижних первых моляров. Для этого использовался метод главных компонент, реализованный в программе Statistica for Windows v. 8.0.

Результаты и обсуждение

Характеристика суммарной охотской серии (см. табл. 1) складывается из максимально высоких частот лопатообразности верхних центральных и латеральных резцов при отсутствии редукции последних. В большинстве случаев лопатообразность присутствовала и на клыках, но сохранность материала не позволяла определить ее на этих зубах во всех локальных группах. Верхние первые моляры по большей части не редуцированы, хотя в материалах из Хаманаки и Омисаки было встречено по одному случаю уменьшения гипоконуса данных зубов до балла 4- по Дальбергу. Бугорок Карабелли в среднем встречается на этих зубах редко, хотя в распределении по сериям есть некоторая неравномерность. В Мойоро и Омисаки данный признак встречается несколько чаще, чем в других группах. Проверка различий на достоверность при помощи критерия χ^2 показала, что они статистически недостоверны и вероятнее всего вызваны различиями в численности наблюдений. Помимо бугорка Карабелли на верхних первых молярах очень часто встречаются дистальные и мезиальные дополнительные бугорки. Дистальный бугорок отсутствует только в сусуйской группе, которая крайне малочисленна.

На верхних вторых молярах наблюдается очень высокий уровень редукции гипоконуса при резком снижении количества дополнительных бугорков. Бугорок Карабелли отсутствует во всех сериях, дополнительные дистальные и мезиальные бугорки были отмечены только в серии из Мойоро (см. табл.1).

На нижней челюсти отмечается очень высокая степень дифференциации нижних вторых премоляров, среди которых преобладают трехбугорковые формы коронки. Грацилизации первых нижних моляров не наблюдается, все зубы, для которых было возможно установить количество бугорков, как минимум 5-бугорковые, с абсолютным преобладанием Y-узора коронки. «+» и «X»-узор отсутствует. Во всех сериях, кроме сусуйской, повышена частота

их 6-бугорковых форм, но в группе из Сусуи сохранилось только два нижних первых моляра, так что обсуждать их характеристики невозможно.

В серии из Мойоро на данных зубах отмечен случай наличия протостилида. В Омисаки – один случай *tam*i. Во всех сериях, кроме сусуйской, повышена частота дистального гребня тригонида, и во всех, кроме Омисаки, – коленчатой складки метаконида. В обоих последних памятниках определить частоту данных двух признаков не позволяет количество наблюдений (см. табл. 1).

Грацилизация нижних вторых моляров выражена весьма умеренно. Более того, в серии из Мойоро встречено несколько случаев дополнительного шестого бугорка на этих зубах. В отличие от первых моляров, здесь намного чаще встречается «X»-узор коронки, частота которого составляет в среднем 68,42 %. В Хаманаке и Мойоро встречено по одному случаю «+»-узора. Протостилид и *tam*i на данных зубах отсутствуют (см. табл. 1).

В целом, за исключением некоторых колебаний, связанных с количеством наблюдений, различия между группами из разных памятников отсутствуют. Хронологические изменения в «классических» охотских сериях относительно сусуйской группы оценить сложно, из-за малой численности последней, но большинство признаков, представленных в выборках из Мойоро, Хаманаки и Омисаки присутствуют и в Сусуе (см. табл. 1).

Результаты межгруппового сравнения, в которое были включены серии из Мойоро и Хаманаки, а также суммарная серия, показали, что для дифференциа-

ции древнего и исторического населения изучаемого региона наиболее важное значение имеют первые два фактора, описывающие в сумме чуть более 47 % общей изменчивости (табл. 3). Первый из них дифференцирует население российского Дальнего Востока от населения Америки и связанных с ним групп. В его составе отрицательными нагрузками связаны дистальный гребень тригонида и 4-бугорковые нижние моляры, а положительными – 6-бугорковые нижние первые моляры и коленчатая складка метаконида. Первые два признака помещают на отрицательный полюс первого фактора носителей неолитической бойсманской культуры, вторые два сдвигают в положительное поле все американские выборки (см. рисунок).

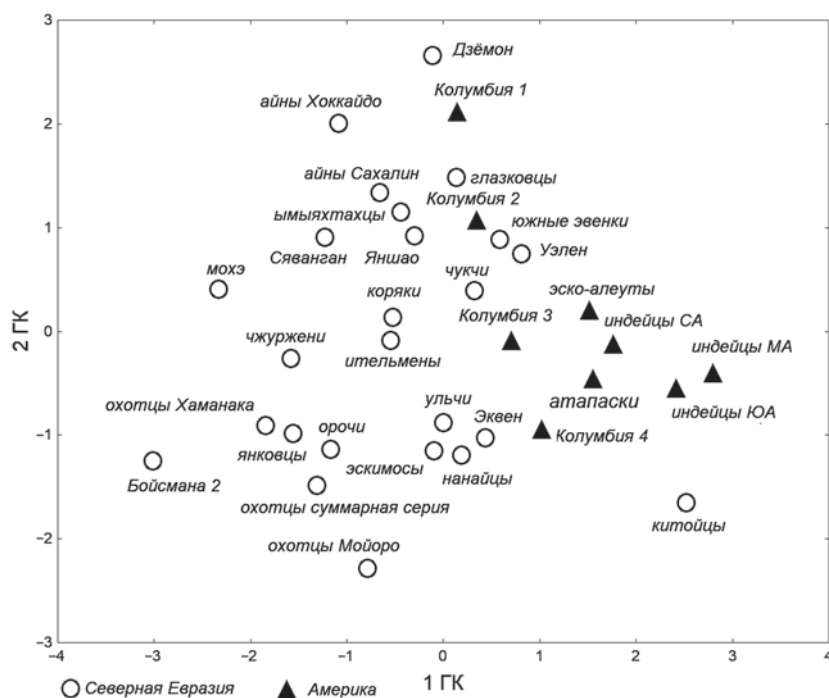

Таблица 3. Нагрузки на одонтологические признаки в составе первых двух факторов

На отрицательном полюсе располагаются носители охотской, китойской и бойсманской культур, с резко выраженными монголоидными особенностями.

приближения к современности в его составе усиливается влияние монголоидных компонентов, привнесенных более поздними миграционными волнами, и проявляется «индейская» специализация. Это resultsруется в уменьшении значений координат по второму фактору и увеличении – по первому, а также в усилении сходства между населением Америки и сериями из байкальского региона – глазковцами и китойцами (см. рисунок).

В третий блок, в отрицательном поле обоих факторов, входят все дальневосточные группы так или иначе, видимо, связанные своим происхождением с компонентом, родственным неолитическому населению Приморья (см. рисунок). Это, в первую очередь, носители янковской и охотской культур, мохэ, чжурчжэни, орочи. Охотские серии занимают центральное положение в этом блоке, представляя собой неких посредников между неолитической базовой популяцией, с одной стороны, и близким к современности и средневековым населением – с другой (см. рисунок).

Серия мохэ, с которыми в некоторых исследованиях ассоциируют охотскую культуру [Matsumura et al., 2006], заметно отличается от охотских и демонстрирует сдвиг в направлении китайских неолитических групп (см. рисунок). Последние не формируют собственного полюса на графике и обсуждать их происхождение по одонтологическим данным пока сложно. Можно выделить только в целом промежуточное их положение между блоком дземон – айны и населением российского Дальнего Востока.

Нужно отметить, что, хотя все охотские группы попадают в одно поле, расстояния между ними довольно значительны и превышают различия между тунгусо-манчжурскими сериями. Это соответствует результатам более раннего краниологического анализа и подтверждает концепцию, согласно которой охотские группы представляют собой не локальную культуру, а скорее культурно-историческую общность [Моисеев, 2008].

Вклад охотцев в близкое к современности население, видимо, был весьма обширен, поскольку сразу несколько близких к современности групп попадают в охотско-бойсманский блок. В их число входят орочи, которые ближе всего к охотским группам (см. рисунок), ульчи, нанайцы, ительмены и эскимосы, представленные археологической серией из раскопок С. И. Руденко на Чукотке. Эскимосы, нанайцы и ульчи занимают промежуточное положение между охотскими сериями и носителями древнеберингоморской культуры, которые попадают на периферию «американского» блока. Влияние охотского компонента на формирование эскимосов, фиксируемое по краниологическим и одонтологическим данным, обсуждается в специальной статье, которая готовится к печати. Оно обусловлено взаимодействием носителей антропологического компонента, родственного

доминирующему в составе охотцев, возможно, представителей сусуйских традиций, с древнеберингоморскими группами Чукотки через Курильские острова и Камчатку, которое фиксируется по археологическим данным (см., напр.: [Чубарова, 1957]).

Что касается ульчей, то вхождение в их состав охотского компонента также было зафиксировано ранее по краниологическим данным [Моисеев, Зубова, 2025], но причины их сдвига в древнеберингоморском направлении нуждаются в дополнительном изучении. Вероятнее всего, он связан с тем, что взаимодействие носителей охотских традиций с популяциями Чукотки и Камчатки не было односторонним и арктические компоненты могли через них проникать на Сахалин. Аналогичным путем, вероятно, формировался антропологический состав нанайцев, но, так же как и для ульчей, этот вопрос нуждается в более детальном анализе.

В целом результаты проведенного анализа показали, что включение в состав используемых признаков дистального гребня тригониды позволило уточнить положение охотских серий относительно другого населения Дальневосточного региона и выявить связь охотцев с неолитическим населением Приморья. Возможность связи носителей охотской культуры с неолитическим населением Дальнего Востока по одонтологическим данным ранее не обсуждалась. По результатам предыдущих исследований предполагалось лишь, что носители охотской культуры могли иметь восточносибирское происхождение и иметь общие компоненты с близким к современности населением Амурского региона и субарктическим населением Американского континента [Matsumura et al., 2009].

Также одонтологические данные наглядно демонстрируют, что однозначно соотнести этнический статус носителей охотских традиций с какой-либо из близких к современности исторических групп невозможно, поскольку подвижный образ жизни охотских групп, хозяйство которых базировалось на охоте на морского зверя, привел к тому, что они внесли биологический вклад в формирование не одной, а нескольких близких к современности групп. В их число входят как минимум эскимосы, ульчи, орочи и нанайцы.

Список литературы

Антропозология Северо-Восточной Азии: Чукотка, Камчатка, Командорские острова / Т. И. Алексеева, А. П. Бужилова, М. Б. Медникова, М. В. Добровольская. – М.: ТАУС, 2008. – 368 с.

Василевский А. А. Охотская проблема и ее современное прочтение в России и Японии // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та; М.: [б. и.], 1999. – С. 129–133.

Василевский А. А., Грищенко В. А. Сахалин и Курильские острова в эпоху палеометалла (I тыс до н. э. – первая половина I тыс. н. э.) // Учен. записки Сахалин. гос. ун-та. – 2012. – Вып. 9. – С. 29–41.

Громов А. В., Зубова А. В., Моисеев В. Г. Антропологические материалы с поселения Черепакха 13 в Южном Приморье // *Археология CIRCUM-PACIFIC: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда*. – Владивосток: Рубеж, 2017. – С. 418–449.

Дерюгин В. А. К вопросу определения понятия «охотская культура» // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2008а. – № 1 (33). – С. 58–66.

Дерюгин В. А. К вопросу этнической интерпретации некоторых археологических культур Приамурья и Охотоморья // *Учен. записки Сахалин. гос. ун-та*. – 2008б. – Вып. VII. – С. 16–25.

Зубов А. А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: ЭТНО-ОНЛАЙН, 2006. – 72 с.

Зубова А. В. Неолитическое население Южного Приморья и его роль в формировании коренного населения Дальнего Востока (по одонтологическим данным из могильника Бойсмана-2) // *Camera Praehistorica*. – 2018. – № 1 (1). – С. 117–128.

Зубова А. В. Неолит Барабинской лесостепи и население Японии эпохи дзёмон: одонтологические параллели // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2025. – Т. 31. – С. 1195–1201.

Зубова А. В., Кербс Е. А. Одонтология мохэ Троицкой группы в контексте формирования населения Дальнего Востока // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. 24. – С. 260–263.

Лейбова Н. А., Жамбалтарова Е. Д. Одонтологическая характеристика населения Юго-Восточного Прибайкалья эпохи неолита и ранней бронзы // *Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий»*, посвященной 110-летию В. Н. Чернецова, 110-летию Г. Ф. Дебеца, 115-летию А. П. Дульзона (Томск, 20–22 апр. 2016 г.). – URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Лейбова_Томск_тезисы_испр3.pdf (дата обращения: 06.06.2018).

Моисеев В. Г. О происхождении носителей охотской культуры северного и восточного Хоккайдо (по краниологическим данным) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2008. – № 1 (33). – С. 134–141.

Моисеев В. Г., Зубова А. В. Краниометрические данные к проблеме происхождения и популяционных связей айнов Сахалина // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. – 2025. – № 1 (68). – С. 129–137.

Чубарова Р. В. К истории древнейшего населения Сахалина // *СЭ*. – 1957. – № 24. – С. 60–75.

Fu Y. Dental and Cranial Non-metric Study of the Jiangzhai Neolithic Population and its Genetic Affinities with Other East Asians. Dis. MA. – Edmonton: University of Alberta, 1994. – 98 p.

Madsen D. B., Davis L. G., Williams T. J., Izuho M., Iizuka F. Characterizing the American Upper Paleolithic // *Sci. Adv.* – 2025. – Vol. 11. – eady9545.

Matsumura H., Hudson M., Koshida K., Minakawa Y. Embodying Okhotsk Ethnicity: Human Skeletal Remains from the Aonae Dune Site, Okushiri Island // *Hokkaido Asian Perspectives*. – 2006. – Vol. 45 (1). – P. 1–23.

Matsumura H., Ishida H., Amano T., Ono H., Yoneda M. Biological affinities of Okhotsk-culture people with East

Siberians and Arctic people based on dental characteristics // *Anthropolog. Sci.* – 2009. – Vol. 117 (2). – P. 121–132.

Rodríguez Flórez C. D., Colantonio S. E. Biological affinities and regional microevolution among pre-Hispanic communities of Colombia's Northern Andes // *Anthropologischer Anzeiger*. – 2015. – Vol. 72 (2). – P. 141–168.

Scott G. R., Schmitz K., Heim K. N., Paul K. S., Schomberg R., Pilloud M. A. Sinodonty, Sundadonty, and the Beringian Standstill model: Issues of timing and migrations into the New World // *Quatern. Intern.* – 2016. – Vol. 466, part B. – P. 233–246.

Wu L., Xianglong Z. Preliminary Impression of Current Dental Anthropology Research in China // *Dental Anthropology: A Publication of the Dental Anthropology Association*. – 1995. – Vol. 9 (3). – P. 1–5.

References

Alekseeva T. I., Buzhilova A. P., Mednikova M. B., Dorovol'skaya M. V. (eds.) Antropoekologiya Severo-Vostochnoj Azii: Chukotka, Kamchatka, Komandorskie ostrova. Moscow: TAUS, 2008. 368 p. (In Russ.).

Chubarova R. V. K istorii drevnejshogo naseleniya Sakhalina. *Sovetskaya etnografiya*, 1957. Vol. 24. P. 60–75. (In Russ.).

Fu Y. Dental and Cranial Non-metric Study of the Jiangzhai Neolithic Population and its Genetic Affinities with Other East Asians. Dis. MA. Edmonton: University of Alberta, 1994. 98 p.

Gromov A. V., Zubova A. V., Moiseev V. G. Antropologicheskie materialy s poseleniya Cherepakha 13 v Yuzhnom Primor'e. In *Arkheologiya CIRCUM-PACIFIC: pamyati Igor'ya Yakovlevicha Shevkomuda*. Vladivostok: Rubezh, 2017. P. 418–449. (In Russ.).

Deryugin V. A. On the Definition of the Term 'Okhotsk Culture'. *Archaeology. Ethnography and anthropology of Eurasia*, 2008a. Vol. 33 (1). P. 58–66. doi:10.1016/j.aear.2008.04.012

Deryugin V. A. K voprosu etnicheskoy interpretatsii nekotorykh arkheologicheskikh kul'tur Priamur'ya i Okhotomor'ya. *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008b. Iss. VII. P. 16–25. (In Russ.).

Lejbova N. A., Zhambaltarova E. D. Odontologicheskaya kharakteristika naseleniya Yugo-Vostochnogo Pribajkal'ya epokhi neolita i rannej bronzy [Elektronnyj resurs]. In *Tezisy XVII Mezhdunarodnoj Zapadnosibirskoj arkheologo-etnograficheskoy konferentsii: «Vostok i Zapad: problemy sinkhronizatsii etnokul'turnykh vzaimodejstvij»*, posvyashchennoj 110-letiyu V.N. Chernetsova, 110-letiyu G.F. Debetsa, 115-letiyu A.P. Dul'zona (Tomsk, 20–22 apr. 2016 g.). URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Лейбова_Томск_тезисы_испр3.pdf (Accessed: 10.02.2018). (In Russ.).

Madsen D. B., Davis L. G., Williams T. J., Izuho M., Iizuka F. Characterizing the American Upper Paleolithic. *Sci. Adv.*, 2025. Vol. 11. eady9545. doi:10.1126/sciadv.ady95

Matsumura H., Hudson M., Koshida K., Minakawa Y. Embodying Okhotsk Ethnicity: Human Skeletal Remains from the Aonae Dune Site, Okushiri Island, Hokkaido. *Asian Perspectives*, 2006. Vol. 45 (1). P. 1–23. doi:10.1353/asi.2006.0010

Matsumura H., Ishida H., Amano T., Ono H., Yoneda M. Biological affinities of Okhotsk-culture people with East

Siberians and Arctic people based on dental characteristics. *Anthropological Science*, 2009. Vol. 117(2). P. 121–132. doi:10.1537/ase.080513

Moiseyev V. G. On the Origin of the Okhotsk Population of Northern and Eastern Hokkaido: Cranial Evidence. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008. Vol. 33 (1). P. 134–141. doi:10.1016/j.aear.2008.04.003

Moiseyev V. G., Zubova A. V. The Sakhalin Ainu: origin and population contacts according to cranial-metric data. *Vesnik arheologii, antropologii i etnografii*, 2025. Vol. 1 (68). P. 129–137. doi:10.20874/2071-0437-2025-68-1-10.

Rodríguez Flórez C. D., Colantonio S. E. Biological affinities and regional microevolution among pre-Hispanic communities of Colombia's Northern Andes. *Anthropologischer Anzeiger*, 2015. Vol. 72 (2). P. 141–168. doi:10.1127/anthranz/2015/0454

Scott G. R., Schmitz K., Heim K. N., Paul K. S., Schomberg R., Pilloud M. A. Sinodonty, Sundadonty, and the Beringian Standstill model: Issues of timing and migrations into the New World. *Quaternary International*, 2016. Vol. 466, Part B. P. 233–246. doi:10.1016/j.quaint.2016.04.027

Vasilevski A. A. Okhotskaya problema i ee sovremennoe prochtenie v Rossii i Yaponii. In *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii*. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ.; Moscow, 1999. P. 129–133. (In Russ.).

Vasilevski A. A., Grishchenko V. A. Sakhalin i Kuril'skie ostrova v epokhu paleometalla (I tys. do n.e. – pervaya polovina I tys. n.e.). *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012. Iss. 9. P. 29–41. (In Russ.).

Wu L., Xianglong Z. Preliminary Impression of Current Dental Anthropology Research in China. *Dental Anthropology: A Publication of the Dental Anthropology Association*. 1995. Vol. 9(3). P. 1–5. doi:10.26575/daj.v9i3.232

Zubov A. A. Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov. Moscow: ETNO-ONLAIN, 2006. 72 p. (In Russ.).

Zubova A. V. Neolithic population of the Southern Primorye and its affinities with the indigenous population of the Far East (based on dental non-metric traits from the Boysman-2 burial ground sample). *Camera Praehistorica*, 2018. No. 1 (1). P. 117–128. (In Russ.). doi:10.33291/26583828.2018-(1)-7

Zubova A. V. The Neolithic of the Baraba Forest-Steppe and the Jomon Population of Japan: Dental Parallels. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2025. Vol. 24. P. 1195–1201. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2025.31.1195-1201

Zubova A. V., Kerbs E. A. Dental anthropology of Mokhe from Troitskiy burial ground in the context of the origin of ancient population of Russian Far East. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 260–263. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2018.24.260-263

Зубова А. В. <https://orcid.org/0000-0002-7981-161X>

Дата сдачи рукописи: 31.05.2026 г.